

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Голомидова М. В. Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа / М. В. Голомидова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 56—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71.

Golomidova, M. V. (2024). Northern “Mosaic”: Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 56-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа

Голомидова Марина Васильевна

orcid.org/0000-0001-7951-9208

Scopus Author ID: 57197719313

WoS ResearcherID: C-3698-2019

доктор филологических наук,
профессор

кафедры интегрированных
маркетинговых

коммуникаций и брендинга
marinagolmidova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01523 «Топонимический ландшафт города в аспекте отражения региональной и локальной идентичности (на языковом материале городов Уральского федерального округа)», <https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

Northern “Mosaic”: Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District

Marina V. Golomidova

orcid.org/0000-0001-7951-9208

Scopus Author ID: 57197719313

WoS ResearcherID: C-3698-2019

Doctor of Philology, Professor,
Department of Integrated Marketing
Communications and Branding
marinagolmidova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-01523 “Toponymic landscape of the city in the aspect of reflecting regional and local identity (based on linguistic material of cities in the Ural Federal District)”, <https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

© Голомидова М. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности отражения территориальной идентичности в городской топонимии северных городов Уральского федерального округа. Цель исследования — оценить текущее состояние урбанонимического фонда с точки зрения трансляции местной самобытности и наметить перспективы его развития. Языковой материал составили урбанонимы Ханты-Мансийска, Урая, Салехарда, Нового Уренгоя, которые впервые вводятся в научный оборот. Описаны группы урбанонимов, вербализующих номинативные темы для базовых концептов территориальной идентичности — ТЕРРИТОРИЯ и КУЛЬТУРА. Среди названий, соотносенных с концептом ТЕРРИТОРИЯ, выявлены имена, отражающие природно-географические и природно-исторические региональные особенности. Среди урбанонимов, относящихся к концепту КУЛЬТУРА, установлены имена, связанные с социальной историей и социокультурными реалиями. Отмечается, что в воплощении концепта КУЛЬТУРА подробно вербализованы геологическая и промышленная темы номинации, а также прослеживается устойчивая тенденция к номинативной коммеморации. С учетом выявленных смысловых лагун определяется информационный резерв для создания новых городских топонимов. Указывается на возможность использования в урбанонимической номинации мало разработанных тем науки, искусства, спортивной жизни, духовной культуры коренных народов Севера.

Ключевые слова:

урбанонимы; топонимы; территориальная идентичность; мотив номинации; концепт ТЕРРИТОРИЯ; концепт КУЛЬТУРА; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the features of territorial identity as reflected in the urban toponyms of northern cities in the Ural Federal District. The aim of the study is to assess the current state of the urban onomastic corpus in terms of conveying local authenticity and to outline prospects for its development. The linguistic material consists of urbanonyms from Khanty-Mansiysk, Urai, Salekhard, and Novy Urengoy, which are introduced into academic discourse for the first time. The research employs onomasiological analysis (identifying nomination motives and nominative themes), classification, and linguistic-cultural commentary. Groups of toponyms are described that verbalize nominative themes related to the foundational concepts of territorial identity — TERRITORY and CULTURE. Among the names associated with the concept of TERRITORY, those reflecting regional natural-geographical and natural-historical features are identified. Within the toponyms linked to the concept of CULTURE, names associated with social history and socio-cultural realities are established. It is noted that the embodiment of the concept CULTURE extensively verbalizes geological and industrial themes of nomination, alongside a consistent trend towards nominative commemoration. Based on identified semantic gaps, an informational reserve for creating new urban toponyms is determined. The potential for utilizing underexplored themes in science, art, sports, and the spiritual culture of indigenous peoples of the North for urban onomastic nomination is highlighted.

Key words:

urbanonyms; toponyms; territorial identity; nomination motive; concept of TERRITORY; concept of CULTURE; linguistic cultural studies.

УДК 811.161.1'373.211(470.54/.56+.58)+316.334.56

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа

© Голомидова М. В., 2024

1. Введение = Introduction

Связь человека и пространства составляет неизменный предмет интереса многих гуманитарных наук. Пространство, известное человеку, и особенно обжитое пространство, освоенное как среда обитания и место бытования выработанных временем культурных ценностей, осмысляются в научных координатах философии и культурологии, социологии и гуманитарной географии. Современная лингвистика, исповедующая антропоцентрический взгляд на языковую реальность, также обращается к изучению пространственного компонента в языковой картине мира и вопросам вербализации пространственных представлений. Для подобных изысканий исключительно ценным эмпирическим материалом служат топонимы, в чьей языковой природе заложено свойство индивидуализировать — выделять и маркировать единичные, значимые топографические объекты. Не случайно синхроническая топонимика, развиваясь в сторону лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, выходит на исследование глубоких семантических, смыслообразующих структур, действующих в тетраде «человек, язык, социум и пространство». Одной из значимых проблем освоения этой тетрады в эпоху глобализующегося мира, в условиях глобализации и регионализации, выступает проблема территориальной идентичности.

Феномен территориальной идентичности¹ трактуется как «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом. Такая идентичность выражается обычно в причислении себя к жителям определенной местности, района, города,

1 Синонимичными терминами служат *региональная идентичность* и *локальная идентичность*, с тем различием, что понятие территориальной идентичности является родовым, «зонтичным» в отношении них.

его части и т. п. территориальной единицы» [Смирнягин, 2007, с. 88]. Обратим внимание на несколько важных характеристик-указаний в приведенном объяснении: а) объединяющую суть коллективной идентичности, б) осознаваемую связь с местом — территорией, в отношении которой возникает чувство пространственно-временной идентификации, в) солидарность, за которой подразумевается единение с другими в определенных ценностных ориентирах. Сложный характер территориальной идентичности позволяет говорить о многоуровневом и комплексном характере этого явления [Banini, 2017; Capello, 2018; Roca et al., 2007; Замятин, 2011; Назукина, 2011], складывающегося «в процессе взаимодействия регионального сообщества и его членов с определенной территорией их проживания и формирующегося под воздействием политического, экономического, исторического и социокультурного факторов» [Головнева, 2018, с. 12].

Вопросы изучения территориальной идентичности в ее топонимическом отражении, через анализ созданной на местах топонимии, непосредственно выходят на динамичные социальные и культурные процессы в современной России. Отнюдь не единственный приоритет академического интереса к установлению лингвистических реалий мотивирует актуальность такого исследования. Прежде всего его обуславливают потребности топонимических практик, направленных на развитие существующего топонимического фонда. Как знаки, вербально маркирующие картину привычного пространства, топографические имена способны транслировать смыслы, формирующие и поддерживающие образ места, и, если ведется целенаправленная работа по созданию новых и упорядочению уже существующих названий, топографические имена влияют на изменение имиджа территории.

Следует сказать, что топонимическая политика — а в случае рациональной деятельности по управлению топонимическим фондом мы имеем дело именно с ней — важна для любых территорий. Но с особенной остротой ее проблемы встают в городах, поскольку именно города аккумулируют большую часть населения и выступают двигателями современного общества. При этом «городская топонимика как совокупность значений, образующая урбанотопонимическое пространство, характеризуется специфичным семиозисом топонимии в тесном взаимодействии с городской идентичностью» [Кузнецова и др., 2021, с. 77].

Муниципальная топонимическая политика в российских городах сегодня развивается во многом путем проб и ошибок, находится в поиске баланса между интересами многих социальных акторов [Соколова, 2022, с. 12]. Но именно последовательное движение в сторону акцентирования региональной идентичности в топонимических практиках может способ-

ствовать гармонизации городской топонимической среды. Поэтому исходным этапом в создании либо корректировке концепции муниципальной топонимической политики целесообразно исследование существующей городской топонимии, или урбанонимии, с точки зрения трансляции территориальной самобытности. Оценка текущего состояния урбанонимии в городах в разных регионах страны представляет собой большую и перспективную задачу.

Есть большие и малые города, которым повезло оказаться в фокусе интересов специалистов в связи с изучением тех или иных аспектов местной топонимии. Однако есть и такие, которые, несмотря на несомненный природно-географический и социокультурный колорит, пока остаются вне должного научного внимания. Урбанонимия северных городов Уральского федерального округа (УрФО) как раз составляет такое новое и благодатное для наблюдений поле.

В рамках данного исследования мы делаем попытку выявить специфику топонимической репрезентации территориальной идентичности в ряде северных городов УрФО (Ханты-Мансийске, Урае, Салехарде и Новом Уренгое) и формулируем рекомендации по ее дальнейшему развитию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками языкового материала послужили письменные документы, имеющиеся в свободном доступе, — карты, справочники, публицистические тексты. Общий свод собранных урбанонимов насчитывает более шестисот наименований (собственных имен улиц, переулков, парков и скверов, площадей, районов и микрорайонов, памятников и городских скульптур, некоторых топографически значимых зданий и сооружений и др.). Первичная обработка собранного материала потребовала выявления релевантных (отражающих те или иные аспекты региональной идентичности) топографических имен. Для этого предварительно была обследована внутренняя форма наименований.

Говоря о внутренней форме, следует сказать несколько слов, поясняющих использование этого термина, поскольку известно, что лингвисты несколько по-разному трактуют его содержание [Лысова, 2022, с. 2872]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» находим такое определение: «Внутренняя форма слова — семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 85—87]. В нашем случае в связи с сосредоточением внимания на номинативной деятельности внутренняя форма рассматривается с точки зрения процессов мо-

тивировки и выбора мотивировочных признаков. Анализ внутренней формы в ономаσιологическом ключе позволяет реконструировать мотивы номинации — установить «экстралингвистические причины выбора или создания данного имени для данного объекта» [Подольская, 1988, с. 84].

На этапе первичной обработки языкового материала после выявления мотивировочных признаков у производных урбанонимов путем фильтрации были отобраны имена, мотивы номинации которых отвечают содержательным параметрам территориальной идентичности. В частности, учитывались отличительные признаки, которые формируют семантическое поле территориальной идентичности: природно-географические особенности региона или населенного пункта, специфика хозяйственной деятельности, локальная и региональная коммеморация, этническая составляющая города / региона, социокультурные практики — традиции, обычаи, вероисповедание, фольклор, мифология, художественное творчество, особенности местного быта, образование и наука, культура повседневности, спорт (подробнее об этом см. [Голомидова и др., 2023, с. 62—66]).

Следующим этапом в работе с релевантными названиями стало их распределение в соответствии с базовыми концептами территориальной идентичности. Внутренняя форма слова, как полагают современные лексикологи, является «культурно маркированным компонентом» [Макшанцева, 2017, с. 7] и одновременно «результатом когнитивно-оценочной деятельности человека, а также способом концептуализации окружающей действительности» [Сагитова, 2008, с. 6]. Учитывая, что урбанонимы неизменно участвуют в создании вербального образа города [Юе Цюй, 2021], представляется существенным установить аспекты, или ракурсы его топонимической концептуализации.

В структуре территориальной идентичности выделяют несколько компонентов: когнитивный, ценностный, эмоциональный, регулятивный [Головнева, 2013, с. 49]. При реализации когнитивного компонента главная смыслообразующая функция принадлежит концепту ТЕРРИТОРИЯ. В соотношении с представлениями о «своей» территории у жителей складывается сложная система знаний и представлений о собственной региональной общности и занимаемой геокультурной реальности» [Там же, с. 43]. Помимо географических знаний и образов, концепт ТЕРРИТОРИЯ включает представления о социально-географическом статусе региона, его месте в пространстве страны, республики, края, о связях с другими территориями и природных отличительных свойствах [Голомидова, 2022, с. 163].

Другим концептом когнитивной составляющей нужно признать концепт КУЛЬТУРА, который обуславливает картину социокультурной жизни региона. К концепту КУЛЬТУРА следует отнести историко-культурную память,

конфессии, художественно-эстетический опыт, фольклор, мифологию, традиции, обычаи, общий культурный опыт повседневности и т. д. [Там же].

Мы полагаем, что в отнесенности к базовым концептам ТЕРРИТОРИЯ и КУЛЬТУРА идет формирование ценностного, эмоционального, регулятивного аспектов территориальной идентичности.

Представленный выше подход к структурной модели территориальной идентичности положен в основу классификации языкового материала. Урбанонимы северных городов будут описаны и прокомментированы с учетом объективации указанных концептов. Развертывание концептуального содержания показывается через группы имен, которые реализуют сходные мотивы номинации. Смысловое сходство в мотивировке, в свою очередь, позволяет вывести укрупненные номинативные темы, которые прорисовывают определенные черты в топонимическом образе города.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепт ТЕРРИТОРИЯ

Рассмотрение географически мотивированных урбанонимов начнем с названий, манифестирующих региональную принадлежность и тем самым непосредственно указывающих на территориальную идентичность. Урбаноним может отсылать к макрорегиону — Сибири: *ул. Сибирская* (Урай, Новый Уренгой), *пер. Сибирский* (Ханты-Мансийск), — или к собственно региону расположения города: *ул. Югорская* (Ханты-Мансийск, Урай), *ул. Ямальская* (Салехард, Новый Уренгой).

Территориальную идентичность маркируют также отраженные в городской топонимии гидронимы. Имена улицам могут задавать названия рек, на которых или, с учетом сибирских расстояний, вблизи которых расположен тот или иной город: *ул. Иртышская*, *ул. Обская*, *ул. Назымская*, *пер. Юганский* в Ханты-Мансийске, *ул. Кондинская* в Урае, *ул. Обская*, *ул. Полуйская*, *проезд Полуйский* в Салехарде, *ул. Пуровская*, *ул. Ямсовейская* в Новом Уренгое. Однако в последнем городе также представлены *ул. Иртышская* и *ул. Обская*. Поскольку сам город находится в удалении от Оби и Иртыша, такие названия для Нового Уренгоя объясняются, скорее, символической мотивировкой, отражающей широкую региональную специфику и подчеркивающей включенность города в Сибирский макрорегион.

Освоенность пространства людьми, обжитость территории показывают городские названия, отсылающие к другим городам Сибири. Столица региона, в котором расположены рассматриваемые города, отражена в названии *ул. Тюменская* в Ханты-Мансийске и Новом Уренгое. Другие города Тюменской области представлены такими примерами, как *ул. Березовская*, *ул. Сургутская*, *ул. Уренгойская*, *Тобольский тракт* (Ханты-Мансийск),

ул. *Надымская*, ул. *Ямбургская* (Новый Уренгой). Интересно появление урбанонимов, отсылающих не к «домашнему», а к соседнему региону Западной Сибири — ул. *Томская* (Новый Уренгой), — и даже Восточной Сибири: ул. *Игарская* (Салехард), ул. *Норильская* (Новый Уренгой). Такие названия показывают, что сибирская территориальная идентичность простирает охват далеко за административные границы конкретного региона.

Особенностью «географической» топонимии городов Ямало-Ненецкого автономного округа — Салехарда и Нового Уренгоя — является отсылка к их северному месторасположению. В обоих городах есть ул. *Арктическая* и ул. *Полярная*, в Новом Уренгое эта тема поддержана также названиями ул. *Заполярная* и ул. *Приполярная*, в Салехарде — названием *жилого района Полярный*.

Широкими мазками топонимия четырех рассматриваемых городов создает масштабный образ сибирского пространства. При этом отметим, что, хотя территория расположения этих городов административно относится к Уральскому федеральному округу, в историческом, географическом и культурном аспектах это, конечно же, сибирская земля, что проявляется, кроме прочего, в городской топонимии. Уральская же географическая тема по сравнению с сибирской представлена спорадически, в названиях ул. *Уральская* в Ханты-Мансийске и ул. *Уральская*, ул. *Екатеринбургская* в Новом Уренгое.

Географически очерченный образ региона поддерживается названиями улиц, отсылающими к особенностям региональной природы.

В основном природные черты отражаются в названиях, воплощающих тему хвойных лесов сибирской тайги через прямое указание — ул. *Таежная* (Ханты-Мансийск, Урай, Новый Уренгой), ул. *Хвойная* (Ханты-Мансийск, Урай), ул. *Боровая*, ул. *Лесная* (Ханты-Мансийск) — или отсылку к тому или иному виду таежных хвойных деревьев — ул. *Кедровая* (Урай, Новый Уренгой), пер. *Кедровый* (Ханты-Мансийск); ул. *Сосновый бор* (Ханты-Мансийск), ул. *Сосновая* (Урай), ул. *Еловая*, проезд *Лиственный* (Ханты-Мансийск). Важность «таежной» темы подчеркивается совпадением ряда урбанонимов в разных рассматриваемых городах. Интересно отметить, что название *исторического комплекса «Сухой бор»* в Урае также отсылает к таежному ландшафту, хотя сам комплекс посвящен началу промышленной добычи нефти в Западной Сибири.

Другой тип ландшафта — тундра — отражен в урбанонимии только одного города: ул. *Тундровая*, проезд *Тундровый* в Новом Уренгое.

Иные природные мотивы актуализированы в незначительном количестве урбанонимов: ул. *Брусничная*, пер. *Моховой* (Урай), пер. *Брусничный* (Салехард), ул. *Ягельная* (новый Уренгой). Топонимия Нового Уренгоя

также отличается отсылками к образам животного мира: *ул. Глухариная, ул. Песцовая, сквер Полярная Сова*. В Салехарде эта тема представлена в названиях скульптурных композиций «Олени», «Лисица — символ Салехарда», «Белые медведи».

Отдельную группу представляют названия, мотивированные представлениями о климатических и иных природно-географических явлениях, отсылка к которым показывает особенности природы и условий именно северных регионов: *сквер Белые ночи* (Ханты-Мансийск), *бульвар Северное сияние* (Салехард), *ул. Зимняя, ул. Снежная, проезд Студеный*.

3.2. Концепт КУЛЬТУРА

Прежде всего отметим, что важным фактором в формировании идентичности служит представление об истории региона.

О прежних географических названиях напоминают некоторые современные урбанонимы. Так, *ул. Самаровская* и *ул. Ямская* отсылают к историческому ойкониму *Самаровский Ям* — названию поселения, из которого вырос город Ханты-Мансийск. К истории отсылает и название природного парка «*Самаровский чугас*» (*чугас* — «холм, горка в низине» [Чайко, 1976, с. 126]), который сейчас находится в черте города.

Урбаноним *ул. Обдорская* в Салехарде сохраняет память об историческом наименовании *Обдорский острог* — так называлось русское поселение в Сибири, давшее начало современному городу.

Ряд городских топонимов маркируют этническую историю региона. В Ханты-Мансийске это название улицы и микрорайона *Ангальский мыс*, которое отсылает к священному для обских ханты месту (в настоящее время — объекту культурного наследия). Яркий этнический колорит несет название обширной территории музея под открытым небом «*Торум Маа*» (мансийск. 'священная земля'). В Урае расположена *ул. Мансийская*, в Салехарде — *проезд Народов Севера*. Этническая идея рельефно проявляется и через названия скульптурных композиций, например: «*Семья ханта на привале*» (Ханты-Мансийск), «*Ненцы в упряжке*» (Салехард). Примечательно, что проработка этнической номинативной темы в монументонимах не ограничивается бытовыми зарисовками и актуализирует также отсылки к мифологии и народному эпосу, см. названия скульптур «*Мифологическое время*» (Ханты-Мансийск), «*Дзуздя — прародительница народа Коми*» (Салехард).

Недавнюю историю Урая отражает урбаноним *ул. Шаимская* — отсылающий и к названию села, некогда бывшего административным центром территории, на которой расположен Урай, и к Шаимскому нефтяному месторождению, сыгравшему огромную роль в развитии Западной Сибири.

Отметим также репрезентацию в городских названиях доисторического периода жизни территории, что находит выражение прежде всего в монументонимах — названиях арт-объектов и жанровых скульптур. Своеобразным брендом или символом территории становится мамонт. Так, в Ханты-Мансийске на территории комплекса «*Археопарк*» расположена скульптурная композиция «*Мамонты*» из 11 фигур древних животных (в этом же музее представлены и другие изображения древних животных: «*Пещерные медведи*», «*Первобытные бизоны*» и др.). В одном из городских парков располагается скульптура «*Мамонтенок*». Некоторое время город украшала композиция из светодиодных фигур «*Семья мамонтов*». В целом мамонт оказывается своеобразным символом города Ханты-Мансийска и брендом Югры (см., например, замечание о вхождении скульптурной группы «Мамонты» в список визуальных символов города [Верховский, 2019, с. 270]), воплощенным не только в урбанонимии, но и в других типах названий, например, в названии молодежной хоккейной команды «Мамонт Югры». Однако только Югрой распространение образа мамонта не ограничивается. Арт-объект «*Семья мамонтов*» есть в Новом Уренгое. Достопримечательностью и символом Салехарда является монументальная жанровая скульптура «*Мамонт*», расположенная на въезде в город, ср.: «Главный символ Салехарда, десятиметрового мамонта, который стоит на самой высокой точке при въезде в город со стороны Обь, принарядили к наступающему Новому году: на него надели красную с белой оторочкой шубу и шапку» (Воробьева Т. В Салехарде появился Дед Мороз из ледникового периода // RG.RU 14.12.2015). По мнению исследователей, в геобрендинге «вечная мерзлота способствовала тому, что Обский Север и Чукотка считаются потенциальными костеносными районами Арктики, благодаря чему к перспективным образам можно отнести мамонта», и рассматриваемые нами города активно осваивают этот образ.

Обратимся теперь к периоду новейшей истории. Во второй половине XX века социально-экономическое развитие Тюменской области и входящих в ее состав Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов тесно связано с освоением природных богатств региона. Об этом на улицах рассматриваемых городов напоминают урбанонимы. Прежде всего это названия — коллективные посвящения, актуализирующие уважительное отношение к представителям соответствующих профессий. Так, во всех четырех рассматриваемых городах есть *ул. Геологов*. Повторяются и некоторые другие названия, по большей части основанные на названиях профессий, которые связаны с нефтегазодобычей, например, *ул. Буровиков* (Урай), *проезд Буровиков* (Новый Уренгой), *ул. Газовиков* (Ханты-Мансийск, Новый Уренгой), *ул. Геофизиков* (Урай), *пер. Геофизиков* (Ханты-

Мансийск), ул. *Нефтяников* (Урай, Новый Уренгой). К этой же группе названий относятся ул. *Геологоразведчиков*, проезд *Газохимиков* (Урай). Тему добычи нефти и газа поддерживают два названия, не имеющие характера коллективного посвящения — ул. *Газопромысловая* (Ханты-Мансийск) и *сквер Урайнефтегаз* (Урай), однако названий, посвященных представителям конкретных профессий, гораздо больше.

Иные профессии представлены в урбанонимах в незначительном количестве: ул. *Землеустроителей* (Ханты-Мансийск) и проезд *Лесорубов* (Урай). Но в ряде коллективных посвящений отдается дань уважения людям, стоявшим у истоков развития региона: проезд *Первооткрывателей* (Ханты-Мансийск, Урай), *площадь Первооткрывателей* (Урай), ул. *Первопроходцев* (Новый Уренгой). Аналогичны в номинативно смысловом отношении и названия некоторых памятных сооружений. Так, в Ханты-Мансийске установлены *скульптурная композиция «Первопроходцам земли Югорской»*, *стелы «Первооткрывателям земли Югорской»*, *«Югра людям-преобразователям Земли Югорской»*, в Урае — *стела «Первооткрывателям Западно-Сибирской нефти»* на *площади Первооткрывателей* и музейный объект *«Землянка первопроходца»* в *историческом комплексе «Сухой бор»*, в Новом Уренгое *памятник «Пионерам освоения Уренгоя»*.

Идея освоения территории, строительства и развития городов отражена также в ценностных представлениях о достойных личностных качествах северян, требующихся для того, чтобы обжить суровый край. Это рельефно представляют урбанонимы ул. *Энтузиастов* в Ханты-Мансийске и Салехарде, ул. *Романтиков*, *сквер Романтиков* с *жанровой скульптурой «Романтика»* в Урае, *микрорайон Романтиков* и *жилой комплекс «Романтик»* в Новом Уренгое, *жанровая скульптура «Романтикам 70-х»* в Салехарде.

Конечно же, топонимия рассматриваемых городов включает в себя и названия — персональные посвящения (персональные коммеморативы). С историей русского освоения региона связано коммеморативное название ул. *Ермака* (Ханты-Мансийск), увековечивающее имя легендарного покорителя Сибири. В урбанонимии отдается дань уважения местным деятелям национальной культуры, ср.: ул. *Анны Коньковой* (Ханты-Мансийск, Урай), получившая название в честь писательницы, фольклориста и мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой, ул. *Ного* (Салехард) — в честь Ивана Федоровича Ного, известного экономического, общественного деятеля, собирателя фольклора, ненецкого писателя и драматурга.

Но в большей степени в персональных коммеморативах находит воплощение история промышленного освоения недр региона: ул. *Губкина* (Салехард), *проспект Губкина* (Новый Уренгой) названы в честь акаде-

мика И. М. Губкина, основополагающей фигуры в отечественной нефтяной геологии, во многом благодаря его работам началось освоение недр Западной Сибири. Ул. им. *Василия Подшибякина* (Сургут) и ул. им. *Подшибякина В. Т.* (Новый Уренгой) получили названия также в честь геолога, начальника треста «Ямалнефтегазразведка», под руководством которого был открыт ряд газовых месторождений, включая Новоуренгойское, а именно его освоение дало толчок к основанию и развитию города. Урбанонимы ул. *Бориса Щербины* (Ханты-Мансийск) и ул. им. *Б. Е. Щербины* (Новый Уренгой) увековечивают память видного экономического деятеля советского времени, кроме прочего, сыгравшего важную роль в создании и развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Таким образом, и в персональных посвящениях проявляется важная для рассматриваемых городов геологическая и производственная «нефтегазовая» тематика, напрямую связанная с освоением региона, строительством и развитием городов. Примечательны в этом отношении названия скульптурных композиций и малых архитектурных форм. В Урае есть «Памятник первой капле нефти» и декоративное сооружение в виде колоннады «Город первой нефти — труженик Урай», в Новом Уренгое — декоративная композиция «Первая разведочная скважина» и скульптура «Буровая вышка». Так проявляется своего рода символизация и всего процесса нефтедобычи, и его отдельных производственных реалий.

4. Заключение = Conclusions

Оценивая вовлеченность городских топонимов в передачу региональной идентичности, можно сказать, что урбанонимы Ханты-Мансийска, Урая, Салехарда и Нового Уренгоя достаточно последовательно раскрывают местный колорит.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в топонимии данных городов концепт ТЕРРИТОРИЯ разрабатывается последовательно и даже детально и что образ региона в его природно-географическом своеобразии представлен вполне наглядно.

В воплощении концепта КУЛЬТУРА развернуто вербализованы геологическая и промышленная темы номинации, что неудивительно для городов, поднявшихся и развившихся в результате освоения природных ресурсов Западной Сибири.

Как и в урбанонимии всех городов России, в материале по этим четырем городам прослеживается тенденция к коммеморации знатных земляков и людей, сыгравших большую роль в развитии территории.

Отдельными штрихами номинативно отмечены реалии, отражающие культуру коренных народов. Однако нам представляется, что не в послед-

ную очередь именно с местной культурно-этнической спецификой связан потенциал развития городских топонимиконов.

Вместе с тем исследование позволило обнаружить некоторые семантические лакуны и малоосвоенные в номинативном отношении темы. В частности, это тема спорта, к освоению которой «подбирается» *аллея портретов биатлонистов* на территории спортивного центра в Ханты-Мансийске, однако это пока лишь описательное название, а не официальное собственное имя линейного объекта. В названиях улиц, площадей, скверов и других топографических объектов городского пространства мало отражена культура северных народов, редко представлены религиозно коннотированные городские топонимы, что отчасти компенсируется монументонимами и названиями малых архитектурных форм. Литературная тема, за некоторыми исключениями, относится в основном к общероссийскому уровню. Не получает развитие тема региональной науки и искусства, например, в Ханты-Мансийске ставший традиционным кинофестиваль «Дух огня» не отражен в городской топонимии, хотя проходивший ранее фестиваль «Золотой бубен» отмечен скульптурой под названием «*Золотая богиня*».

Таким образом, на наш взгляд, в этих четырех городах можно было бы усилить номинативные «линии», связанные с современными социально-культурными практиками — наукой и искусством, спортивной жизнью, а также духовной культурой коренных народов.

Города увеличиваются и прирастают территорией с разной скоростью. Конечно же, количество новых улиц в северных городах не исчисляется сотнями. Но местное своеобразие и региональные особенности могут транслировать урбанонимы других типов — названия скверов и парков, монументонимы, ойкодомонимы (названия отдельных зданий и сооружений). В Ханты-Мансийске, Урае, Салехарде и Новом Уренгое региональная идентичность уже находит свое воплощение в сформированном сводe городских названий, но нельзя не отметить и хороший потенциал для дальнейшего развития.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Верховский И. А. «Своё — чужое»: региональная идентичность Югры (по материалам социологических исследований) / И. А. Верховский // История, языки и культура северных народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции XVII Югорские чтения, посвящённой 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеевой. Ханты-Мансийск, 24 апреля 2018 года. — Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. — С. 264—273.

2. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. — № 5. — С. 42—50.

3. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / Е. В. Головнева. — Екатеринбург, 2018. — 38 с.

4. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности : кейс города Уфы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 160—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.

5. Голомидова М. В. Урбанонимы и трансляция региональной идентичности / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Городская топонимия : современная политика и практика именования : монография / под ред. М. В. Голомидовой, С. О. Горяева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2023. — С. 55—102. — ISBN 978-5-7996-3753-8.

6. Замятин Д. Н. Идентичность и территория : гуманитарногеографические подходы и дискурсы / Д. Н. Замятин // Идентичность как предмет политического анализа. — Москва : ИМЭМО РАН, 2011. — С. 186—203. — ISBN 978-5-9535-02-90-0.

7. Кузнецова А. В. Семiosis топонимики в пространстве городской идентичности / А. В. Кузнецова, Т. А. Петрулевич // Гуманитарные и социальные науки. — 2021. — № 6 (89). — С. 72—78. — DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. — 754 с. — ISBN 5-85270-239-0.

9. Лысова О. Ю. Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX—XXI веков : обзор становления и употребления термина / О. Ю. Лысова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 9. — С. 2870—2876. — DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220489>.

10. Макианцева Н. В. Внутренняя форма слова-репрезентанта концепта как транслятор культурного смысла / Н. В. Макианцева // Успехи современной науки и образования. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 7—9.

11. Назукина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России / М. В. Назукина // Регионоведение. — 2011. — № 4. — С. 13—19.

12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — 192 с.

13. Сагитова А. Ф. Внутренняя форма как результат когнитивно-оценочной деятельности человека («Флора», «Фауна») : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Ф. Сагитова. — Уфа, 2008. — 24 с.

14. Соколова Т. П. Коммодификация топонимии современной Москвы в социолингвистическом аспекте / Т. П. Соколова // Социолингвистика. — 2022. — № 3 (11). — С. 9—26. — DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26.

15. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. — Москва : МГИМО-Университет, 2007. — Т. 2 : Идентичность и суверенитет : новые подходы к осмыслению понятий. — С. 81—107. — ISBN 5922802968.

16. Чайко Т. Н. Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша / Т. Н. Чайко // Вопросы ономастики. — Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1976. — № 11 : Русская ономастика и ее взаимодействия с апеллятивной лексикой. — С. 117—128.

17. Юе Цюй. Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») / Юе Цюй // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 1 (47). — С. 148—159. — DOI: 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159.

18. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities : concepts, questions and pitfalls / T. Banini // *Territorial Identity and Development*. — 2017. — Vol. 2. — № 2. — Pp. 16—23.

19. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity / R. Capello // *Regional Science Policy & Practice*. — 2018. — Vol. 11. — Issue 1. — Pp. 141—159. — DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12166>.

20. Roca Z. Affirmation of territorial identity : A development policy issue / Z. Roca, M. N. O. Roca // *Land Use Policy*. — 2007. — № 24. — Pp. 434—442. — DOI: 10.1016/j.landusepol.2006.05.007.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024,
одобрена после рецензирования 05.10.2024,
подготовлена к публикации 15.11.2024.

References

- Banini, T. (2017). Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls. *Territorial Identity and Development*, 2 (2): 16—23.
- Capello, R. (2018). Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy & Practice*, 11 (1): 141—159. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12166>.
- Chaiko, T. N. (1976). Borrowed geographical terms in Russian old — fashioned dialects along the lower reaches of the Irtysh. In: *Questions of onomastics, 11: Russian onomastics and its interaction with appellative vocabulary*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Unita. 117—128. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2022). Urban toponyms in the aspect of regional identity translation: the case of the city of Ufa. *Questions of onomastics*, 19 (1): 160—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).
- Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). Urbanonyms and translation of regional identity. In: *Urban toponymy: modern naming policy and practice: monograph*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 55—102. ISBN 978-5-7996-3753-8. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2013). Regional identity as a form of collective identity and its structure. Labyrinth. *Journal of Social and Humanitarian Studies*, 5: 42—50. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2018). *The construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region)*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 38 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, A. V., Petrulevich, T. A. (2021). Semiosis of toponymy in the space of urban identity. *Humanities and social Sciences*, 6 (89): 72—78. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78. (In Russ.).
- Lysova, O. Y. (2022). The inner form of the word in Russian linguistics of the XX—XXI centuries: a review of the formation and use of the term. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 15 (9): 2870—2876. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220489>. (In Russ.).

- Makshantseva, N. V. (2017). The inner form of the word-representative of the concept as a translator of cultural meaning. *Successes of modern science and education*, 3 (1): 7—9. (In Russ.).
- Nazukina, M. V. (2011). Structural levels of regional identity in modern Russia. *Regionology*, 4: 13—19. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. 192 p. (In Russ.).
- Roca, Z., Roca, M. N. O. (2007). Affirmation of territorial identity: A development policy issue. *Land Use Policy*, 24: 434—442. DOI: 10.1016/j.landusepol.2006.05.007.
- Sagitova, A. F. (2008). *Internal form as a result of cognitive-evaluative human activity* (“Flora”, “Fauna”). Author’s abstract of PhD Diss. Ufa. 24 p. (In Russ.).
- Smirnyagin, L. V. (2007). On regional identity. In: *Space and time in world politics and international relations: materials of the 4th RAMI Convention. In 10 volumes, 2: Identity and Sovereignty: new approaches to understanding concepts*. Moscow: MGIMO University. 81—107. ISBN 5922802968. (In Russ.).
- Sokolova, T. P. (2022). Commodification of the toponymy of modern Moscow in a sociolinguistic aspect. *Sociolinguistics*, 3 (11): 9—26. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26. (In Russ.).
- Verkhovsky, I. A. (2019). “One’s own and another’s”: the regional identity of Yugra (based on the materials of sociological research). In: *History, languages and culture of the Northern peoples: Materials of the All-Russian scientific and practical conference XVII Yugra Readings, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Doctor of Philology Evdokia Ivanovna Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, April 24, 2018*. Khanty-Mansiysk: LLC “Printing world of Khanty-Mansiysk”. 264—273. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (ed.). (2002). *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 754 p. ISBN 5-85270-239-0. (In Russ.).
- Yue Qu. (2021). Spatial image as a carrier of geocultural and linguocultural information (based on the material of the educational toponymic database “Moscow toponymy”). *Questions of psycholinguistics*, 1 (47): 148—159. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2011). Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses. In: *Identity as a subject of political analysis*. Moscow: IMEMO RAS. 186—203. ISBN 978-5-9535-02-90-0. (In Russ.).

*The article was submitted 05.09.2024;
approved after reviewing 05.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*